

С.А.Кучеренко

РЕЦЕПЦИЯ ФУКИДИДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ: НАУКА И РИТОРИКА

Сергей Анатольевич Кучеренко — аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: sakucherenko@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена рецепции Фукидида в международно-политической науке. На основе сравнительного анализа двух традиций в теории международных отношений — структурного и конструктивного реализма — автор показывает, что обе они в той или иной мере используют афинского историка в качестве «крестного отца» и апеллируют к нему как к авторитету. По его заключению, не только структурные, но и конструктивные реалисты вполне могли бы обойтись без ссылок на «Историю Пелопоннесской войны» для обоснования своих идей. Ключевое различие между ними применительно к рассматриваемой теме он видит в тех задачах, которые решаются через обращение к наследию Фукидида. Если структурные реалисты используют избранные фрагменты из текста «Истории» для подтверждения и легитимации собственных тезисов, то конструктивисты настаивают на необходимости целостного его прочтения. На первый план в их интерпретации выходят нормы, ценности и политическая риторика как самостоятельные элементы международных отношений. Подобный подход оценивается автором не просто как более адекватный источнику, но и как более продуктивный в научном плане. Внимание к таким явлениям, как культура, право и риторика, позволяет создать более сложную, нередукционистскую теорию международных отношений, отвечающую реалиям эпохи медиатизации публичной политики и «новой прозрачности».

Ключевые слова: Фукидид, реализм, правовой нигилизм, международные отношения

Вопрос о рецепции Фукидида в рамках теории международных отношений может показаться если не надуманным, то неактуальным. Неужели в XXI в. действительно важно, что «на самом деле» имел в виду Фукидид, не говоря уже о сомнительности подобного подхода к интерпретации всякого текста? Однако, несмотря на призывы забыть о Фукидиде раз и навсегда¹, специалисты по-прежнему ссылаются на него

¹ Welch 2003.

так, как если бы он был релевантен проблемам сегодняшнего дня и современным международно-политическим теориям. Последним заметным примером такого обращения является работа Грэма Эллисона «Обреченные на войну: Могут ли США и КНР избежать ловушки Фукидида?»². Показателен и интерес к «Истории Пелопоннесской войны» ряда членов администрации президента США Дональда Трампа. Почему же Фукидид остается столь востребованным, вопреки всем изменениям, произошедшим со времен написания «Истории»?

² Allison 2017.

На наш взгляд, неугасающая популярность Фукидида вызвана в первую очередь той ролью, которую играет его имя в структурном реализме. С ним ассоциируется, в частности, «дилемма безопасности» (она же «ловушка Фукидида»), лежащая в основе данного направления в теории международных отношений. Поскольку первую книгу «Истории» можно прочесть как формулирование дилеммы безопасности, структурные реалисты, прежде всего Кеннет Нил Уолц, Роберт Гилпин и Джон Миршаймер, видят в Фукидиде одного из родоначальников соответствующей традиции. Активно обращается к Фукидиду и так называемый конструктивный реализм³, возникший после холодной войны в ходе критики структурного реализма. Конструктивисты стремятся к как можно более полному и целостному истолкованию «Истории» в рамках международно-политической науки, попутно обвиняя структурных реалистов в некорректном ее использовании.

³ Barkin 2003.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу этих двух традиций рецепции Фукидида в теории международных отношений. Но прежде чем приступать к такому анализу, имеет смысл обратиться к тексту самой «Истории», точнее, к тем ее фрагментам, которые по-разному прочитываются структуралистами и конструктивистами.

Наиболее часто к «Истории» прибегают для подтверждения двух тезисов. Первый тезис — это уже упомянутая дилемма безопасности, суть которой заключается в том, что в условиях анархии общественных отношений их участники испытывают постоянный страх. Пытаясь обезопасить себя от возможного нападения, участники отношений лишь усиливают взаимный страх, что ведет к дальнейшему росту напряжения. Второй тезис, связанный с дилеммой безопасности косвенно, можно назвать «неизбежностью войны». В самых общих чертах этот тезис сводится к двум пунктам: а) политика может быть редуцирована к применению и угрозе применения силы; б) такое положение вещей не поддается изменению. Мораль, право, договоренности и обычаи не более чем ширмы, скрывающие грубую реальность силовой политики. Настоящим правом является «право сильного»: могущественный участник международных отношений может действовать как ему заблагорассудится до тех пор, пока не встретит серьезного сопротивления. Следствием подобной ситуации становится международно-правовой нигилизм и постоянная подготовка к войне, которая оказывается всегда вероятной и потому неминуемой.

**Реализм
в тексте
«Истории»**

Фукидида не без оснований называют первым политическим реалистом. При желании в тексте «Истории» легко обнаружить оба приведенных выше тезиса. Во-первых, это констатация того, что у войн есть скрытая причина и этой причиной является страх: *«Истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасения лакедемонянам и тем вынудили их начать войну»*⁴.

⁴ Фукидид 1.23. Здесь и далее цитаты из «Истории» Фукидида приводятся в переводе Федора Мищенко и Сергея Жебелева (Фукидид 1999).

В рамках структурного реализма данный фрагмент часто интерпретируется как претензия на создание универсальной теории причин войны: в основе всякой войны лежит либо страх быть уничтоженным, либо страх утратить гегемонию. В пользу такого заключения говорит и ремарка Фукидида, в которой он подчеркивает теоретический характер своей работы: *«[Мой труд] сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем и могущем, по свойству человеческой природы, повториться когда-либо в будущем в том же самом или подобном виде. Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки»*⁵.

⁵ Фукидид 1.21.

Во-вторых, это указание на силовой характер политики, отчетливо просматривающееся в так называемом Мелийском диалоге — описании переговоров афинских послов с мелиянами. По убеждению афинских послов, справедливость возможна лишь между равными по силе: *«мы, оставив в стороне... неубедительные речи о том, например, что мы сокрушили персов и потому господствуем по праву... желаем добиться при правдивой оценке с вашей и нашей стороны, возможно при обоюдном убеждении, что на житейском языке право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый терпит то, что должен терпеть»*⁶. Возможность истребить население Мелоса трактуется афинянами как достаточное (и даже правовое!) основание требовать от мелиян отказаться от своей независимости и подчиниться Афинам.

⁶ Фукидид 5.89.

Несколько менее популярны фрагменты, посвященные гражданской войне на Керкире, чуме в Афинах и Митиленскому спору, во многом перекликающемуся с Мелийским диалогом. Гражданская война на Керкире, описанная в третьей книге «Истории», начинается как обычное для того времени противостояние олигархической и демократической партий. Фукидид, однако, использует ее, чтобы продемонстрировать, как подобное противостояние влечет за собой падение нравов и утрату доверия между согражданами, тем самым порождая войну всех против всех: *«Извращено было общепринятое значение слов в применении их к поступкам. Безрассудная отвага считалась храбростью и готовностью к самопожертвованию за друзей, предусмотрительная нерешительность — трусостью под благовидным предлогом, рассудительность — прикрытием малодушия, вдумчивое отношение*

⁷ Фукидид 3.82. *к каждому делу — неспособностью к какой-либо деятельности»⁷. Сходно по духу и описание афинской чумы, где потрясения приводят к разложению социального порядка. Ниже мы покажем, как первые два фрагмента становятся центральными для рецепции Фукидида в структурном реализме, тогда как описание войны на Керкире задает тон конструктивистской интерпретации.*

Рецепция Фукидида в структурном реализме

⁸ Помимо сочинений Уолца, ключевыми для данной традиции являются работы Роберта Оуэна Кеохейна и Джозефа Ная (Keohane and Nye 1977), Гилпина (Gilpin 1981) и Майкла Дойла (Doyle 1990).

⁹ Behr 2010: 198—210.

Структурный реализм (неореализм), оформившийся в работах Уолца в конце 1970-х годов, претендует на роль метатеории, раскрывающей фундаментальные принципы мировой политики⁸. В основании неореализма лежит представление о природе международных отношений как (1) анархической в правовом аспекте и (2) иерархической в аспекте могущества, понимаемого как способность к экономическому и военному давлению. Могущество связывается прежде всего с объективными материальными ресурсами, то есть с физической возможностью оказывать давление. Отсутствие единого арбитра погружает государства в естественное состояние войны и приводит к появлению дилеммы безопасности («ловушки Фукидида»). Оба этих структурных фактора с необходимостью присутствуют в любой системе суверенных государств и не могут быть устранены из нее ни дипломатией, ни воспитанием людей, ни распространением демократических режимов. Интересы государств в конечном счете определяются их могуществом, и угроза войны есть нечто неизбежное и даже банальное. Как подчеркивает Хартмут Бер, концепция Уолца несет на себе заметный отпечаток идеологии холодной войны, что проявляется в реификации представлений об интересе и могуществе, а также о патриотизме⁹. Другими словами, хотя неореализм и имеет форму научной теории, он содержит в себе элемент милитаристской идеологии, требующей постоянного укрепления обороны и даже превентивных войн. В самом деле, если выживание государства не может быть гарантировано международным правом (что объясняется в первую очередь невозможностью эффективного принуждения), единственным выходом остается либо наращивание оборонительного потенциала, за что ратует так называемый оборонительный реализм, либо аккумуляция силы и расширение сферы влияния, на чем настаивает реализм наступательный. Иначе говоря, неореализм утверждает, что решающим фактором в политике является сила, поэтому задача любого государства — максимизировать свое могущество и влияние.

Какую роль играет Фукидид в обосновании этих тезисов? Хотя Уолц и дедуцирует свои постулаты из самого понятия системы суверенных государств, он посвящает обширные пассажи указаниям на параллели между своими взглядами и взглядами таких мыслителей, как Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо и тот же Фукидид. Очевидно, что подобные отсылки к философской традиции призваны легитимировать структурный

реализм как имеющий авторитетных предшественников, представить его как выражение давно известной, хотя и часто игнорируемой истины о жестокой природе международных отношений.

Непосредственно Фукидиду в рамках неореализма отведено место родоначальника всей традиции. Если он и не является прямым «отцом» структурного реализма, то как минимум предвосхищает его. «Окажись Фукидид среди нас, — полагает, в частности, Гилпин, — у него... бы не было ни малейших проблем с пониманием того, из-за чего соперничают державы наших дней»¹⁰. В аналогичном ключе Миршаймер объявляет идентичными идеи Фукидида и Никколо Макиавелли¹¹.

¹⁰ *Gilpin 1981: 211.*

¹¹ *Mearsheimer 2001: 365.*

Необходимо отметить, что у классических реалистов, в том числе у Ганса Моргентау и Эдварда Халлетта Карра, ссылки на Фукидида практически отсутствуют. На регулярной основе они появляются именно у неореалистов, прежде всего у Уолца, причем сразу в том виде, в котором мы к ним привыкли, — как ссылки на основоположника подхода, чья роль ни у кого не вызывает сомнений. По мнению Эдварда Кина, в американскую международно-политическую науку афинский историк, скорее всего, попал через статью Льюиса Холла 1952 г. «Послание от Фукидида», где «История» рассматривалась как предостережение западным участникам холодной войны и указание на необходимость сдерживания Советского Союза. Примечательно, что в той же статье США недвусмысленно соотносились с Афинской демократией¹², что отводило СССР роль Лакедемона, способного развязать войну.

¹² *Keene 2015: 363—364.*

Важной особенностью структурного реализма является избирательность в толковании «Истории». Диалоги и речи, составляющие значительную часть труда Фукидида, в рамках этой традиции почти полностью игнорируются. Внимание уделяется лишь двум рассмотренным выше пассажам — замечанию о страхе Лакедемона как о причине Пелопонесской войны и Мелийскому диалогу, утверждающему силовой характер политики. В работах Уолца «Человек, государство и война» и «Теория мировой политики»¹³, а также в «Войне и изменениях в мировой политике» Гилпина¹⁴ нет ни одной ссылки на диалоги. Миршаймер в «Трагедии великих держав» один раз ссылается, правда, на Мелийский диалог, но при этом, по сути, ставит знак равенства между словами афинских послов и точкой зрения самого Фукидида¹⁵. По мнению Кеохейна, приводимые в «Истории» речи являются не записью реальных высказываний, а попыткой Фукидида истолковать мотивы политиков, принимающих решения. При такой трактовке речи принадлежат не отдельным людям, а политическим сообществам в целом, будь то «афиняне» или «коринфяне»¹⁶. Подобный способ прочтения полностью соответствует установке структурного реализма на разделение внутренней и внешней политики и его акценту на позиции государств как неделимых единиц анализа. Истолкование диалогов в рамках структурного реализма нацелено на демонстрацию вторичности законов и обычаев, равно как и самого содержания выступлений,

¹³ *Waltz 1959, 1979.*

¹⁴ *Gilpin 1981.*

¹⁵ *Mearsheimer 2001: 163.*

¹⁶ *Keohane 1983: 507.*

по отношению к материальному базису. Так, в «Теории мировой политики» Уолц (со ссылкой на Вернера Йегера) прямо утверждает, что содержание речей определялось материальными факторами. Лакедемоняне расценивали силу Афин как тираническую прежде всего из-за своего страха, и, будь у них достаточно сильные армия и флот, они бы сами вели себя подобно Афинам¹⁷.

¹⁷ *Waltz 1979: 127.*

Подводя итог, следует подчеркнуть, что ключевые положения неореализма как научной теории не требуют для своего обоснования ни имени Фукидида, ни ссылок на «Историю». Тезис о влиянии международной анархии на мировую политику совершенно внеисторичен и может быть выведен из концепций анархии и иерархии без отсылок к каким-либо авторитетам. Смысл апелляции к афинскому историку заключается в ином — в стремлении продемонстрировать укорененность традиций реализма в глубокой древности и неизменность природы международных отношений. Так, Гилпин видит в Пелопоннесской войне первый пример гегемонистской (hegemonic) войны, теорию которой разрабатывает¹⁸. В свою очередь, Кеохейн рассматривает «Историю» как «куновский образец», на котором можно изучать основные положения неореализма¹⁹. В сфере международных отношений, где господствует сила, не имеют значения никакие изменения в культуре, праве и политических системах. Неореализм же предстает теорией, честно описывающей действующие в ней неизменные принципы.

¹⁸ *Gilpin 1981.*

¹⁹ *Keohane 1983.*

Рецепция Фукидида в конструктивном реализме

Иная стратегия интерпретации Фукидида присуща конструктивному реализму, или, в терминологии Самуэля Баркина, «реалистическому конструктивизму»²⁰. Конструктивный реализм, в отличие от структурного, не представляет собой полноценного течения. Конструктивных реалистов объединяет в первую очередь критика структурного реализма как слишком абстрактного и потенциально идеологически ангажированного. Во многом конструктивный реализм строится на переосмыслении того, как классические авторы вроде Моргентау были восприняты в рамках структурного реализма. Для этого подхода характерно большее внимание к сфере социального, прежде всего к нормам и праву, отказ от редукции общественных отношений к материальным факторам. К важнейшим представителям конструктивного реализма относятся Дэниел Гарст, Грегори Крейн и Ричард Нед Лебоу.

²⁰ *Barkin 2003.*

В интерпретации Фукидида конструктивисты подчеркивают связь между политикой и публичной речью, обвиняя структурных реалистов в избирательности и предвзятости в работе с «Историей». За подобной установкой, как полагает Лебоу, стоит изменение в способе прочтения Фукидида историками и филологами, а именно наметившийся в 1980-е годы поворот от позитивизма к восприятию «Истории» как целостного авторского высказывания²¹.

²¹ *Lebow 2001.*

В ключевом для конструктивистской традиции интерпретации Фукидида эссе Джеймса Бойда Уайта из работы «Когда слова теряют свое значение»²² акцент сделан на речах и диалогах «Истории», по сути оставшихся вне поля зрения неореалистов. Большое внимание уделено там и описанию гражданской войны на Керкире, где, по словам Фуки-

²² *White 1984.*

²³ *Фукидид 3.82.*

дида, извращено было даже «общепринятое значение слов»²³. Согласно Фукидиду, возникновение двух воюющих альянсов усугубило конфликт олигархической и демократической партий на Керкире, каждая из которых стремилась заручиться поддержкой других полисов. В итоге конфликт быстро перерос в полноценную войну, которая не закончилась в полной мере до окончания Пелопоннесской войны. Хотя этот пассаж может быть истолкован и в пользу примата материальных факторов, поскольку в данном случае изменение культурных норм стало результатом войны других полисов, Уайт подчеркивает одну немаловажную деталь — самостоятельность нормативной сферы и наличие обратной связи. Говоря о значении слов, Фукидид указывает на то, что именно слова во многом определяют, как будут влиять на политические отношения материальные факторы. Когда доверие в разрываемой гражданской войной Керкире упало настолько, что благоразумие стало считаться трусостью, а осмотрительность — ленью, оказалось, что «всего лишь слова» играют не меньшую роль, чем гоплиты и триремы. Изменение в значении повседневных понятий лишило керкирян возможностей для эффективного сотрудничества, заставляя конфликт развиваться по собственным правилам, уже мало зависящим от «объективных» причин²⁴.

²⁴ *White 1984.*

В международно-политической науке подобный способ интерпретации «Истории» используется Гарстом, Крейном, Лебоу и др. В статье «Фукидид и неореализм» Гарст анализирует приведенные Фукидидом речи как части одного целостного высказывания о природе власти, полагая, что в своем труде афинский историк пытается продемонстрировать читателю, как восприятие политических процессов их участниками влияет на сами эти процессы. Могущество и власть у Фукидида — не статичные показатели, определяемые материальными факторами, как утверждают неореалисты. Власть — это всегда социальное взаимодействие, в ходе которого решение может быть принято вопреки распределению материальных ресурсов. Политическая реальность обладает известной самостоятельностью и способна развиваться по своей внутренней логике. В Мелийском диалоге афинские послы вовсе не открывают некую вечную истину, ранее просто скрытую. Они конструируют новую реальность, отрицая значимость договоров и дипломатии в политике. Циничный реализм функционирует как самоисполняющееся пророчество, так что договоры действительно не соблюдаются, а законы нарушаются, и когда в дальнейшем Афины выказывают слабость, их союзники и вассалы покидают их²⁵. В итоге «История» предстает трагическим повествованием о том, как дерзость приводит к краху даже тех, кто располагает военной и экономической мощью.

²⁵ *Garst 1998.*

²⁶ Crane 1998.

Другой масштабной работой в рамках данной традиции является «Фукидид и античная простота» Крейна²⁶, где, несмотря на тяготение автора к структурному реализму с его приматом материальных факторов, делаются выводы, сходные с выводами Гарста. Трактую «Историю» как описание борьбы архаичной спартанской культуры и «современной» афинской, Крейн делает акцент на рефлексивной природе социального. Хотя материальные факторы для него, как и для структуралистов, есть субстрат международных отношений, он указывает на самостоятельное значение законов и культурных норм, которые зачастую определяют, как именно материальные факторы будут задавать ход политики.

Ключевым кейсом в «Истории» для Крейна становится уже упоминавшееся описание смуты на Керкире, где Фукидид рисует картину разложения политической культуры, развивающегося по спирали. Уделяет внимание он и описанию чумы в Афинах, где показывается, как высокая и непредсказуемая смертность делает людей безразличными к законам и обычаям, заставляя их жить одним днем и не бояться расплаты за злодеяния. Разделяя спартанскую и афинскую политические культуры, нетрудно заметить, что черты подхода структурных реалистов в изложении Крейна присущи только афинской культуре. Именно Афины полагаются на силу как на самое верное средство политического убеждения, пригодное к использованию там, где не работают законы и обычаи. По мнению Крейна, «История» демонстрирует несостоятельность этой точки зрения: сам будучи афинянином, Фукидид не находит в себе сил завершить книгу, когда триумф афинского оружия сменяется непредвиденным поражением.

²⁷ Lebow 2001, 2003, 2008.

Наиболее полно конструктивистская интерпретация «Истории» представлена в работах Лебоу²⁷. Исследуя проблему человеческой мотивации применительно к международной политике, Лебоу во многом опирается на классические греческие трагедии. В данном контексте Фукидид тоже выступает как трагик *sui generis*, повествующий в «Истории» о том, как необузданное влечение к власти и дерзость (*ὑβρις*) приводят Афины к военному поражению, которое предстает почти божественным наказанием. На основе анализа приводимых в «Истории» диалогов и речей Лебоу приходит к выводу, что Фукидид артикулирует сразу несколько точек зрения на природу международных отношений и именно столкновение различных систем ценностей образует у него политическую реальность.

²⁸ Lebow 2001.

Сконцентрировавшись на взаимодействии в «Истории» слов (*λόγοι*) и дел (*ἔργοι*), Лебоу призывает обратить внимание на значение слов, недооцениваемое теми, кто пытается смотреть на политику трезво и реалистично. Слова, подчеркивает он, способны создать как общее коммуникативное пространство, так и ситуацию недопонимания, повышающую угрозу войны²⁸. В рамках культурной теории международных отношений он разрабатывает собственную теорию человеческих мотивов, показывая, что жажда признания (*standing*) и материальный

интерес (appetite) могут находиться под контролем разума и норм, но могут и подчинять себе поведение человека. Фукидид, с его точки зрения, описывает то, как распространение циничного взгляда на политику лишает людей способности доверять друг другу и погружает политическое сообщество в состояние бесконечной войны, из которой трудно найти выход. Не будучи единственно возможным, политический порядок, основанный на страхе и недоверии, оказывается наиболее стабильным — в том смысле, что попасть в него легче, чем выбраться²⁹.

²⁹ Lebow 2008: 88—93.

³⁰ Lebow 2001.

Несмотря на то что Лебоу называет Фукидида «первым конструктивистом»³⁰, конструктивный реализм не преследует цели сделать афинского историка своим родоначальником. «История» Фукидида выступает для конструктивистов скорее как источник идей, помогающих лучше понять текущий момент, а именно то, как связаны в мировой политике материальные и нематериальные факторы. Хотя, подобно структурным реалистам, они тяготеют к небольшому набору показательных фрагментов «Истории», их прочтение все же отличается большей аккуратностью и вниманием к целостности повествования. Подчеркивая важность норм, идей и даже риторики в формировании политической реальности, приверженцы конструктивистской школы критикуют неореализм за поверхностный подход к «Истории», при котором вырванные из контекста фрагменты вроде Мелийского диалога приобретают едва ли не противоположное значение. По мнению конструктивистов, структурный реализм использует текст «Истории» для легитимации идей, которые в ней просто отсутствуют.

Заключение

Подводя итог сравнительному анализу рецепции Фукидида в рамках структурного и конструктивного реализма, отметим, что оба течения в той или иной мере используют афинского историка в качестве «крестного отца» и апеллируют к нему как к авторитету. Не только структурные, но и конструктивные реалисты вполне могли бы обойтись без ссылок на «Историю» для обоснования своих идей. Главное различие между ними применительно к рассматриваемой теме заключается в целях и способах обращения к «Истории». Если структурные реалисты задействуют избранные фрагменты из текста Фукидида для подтверждения собственных тезисов, то конструктивисты настаивают на необходимости целостного его прочтения. Их подход не просто более адекватен источнику, но и более продуктивен с точки зрения международно-политической науки. Внимание к таким явлениям, как культура, нормы и риторика, позволяет создать более сложную, нередукционистскую теорию международных отношений.

В завершение следует подчеркнуть исключительную важность риторического аспекта «Истории». Фукидид не просто демонстрирует, как ценности и нормы влияют на политику. Одна из его задач заключается в том, чтобы показать, как проигранный спор или неверное

слово могут лечь в основу политического решения. Подобное прочтение Фукидида оказывается более чем актуальным в эпоху постправды и «новой прозрачности», когда внешний эффект важнее содержания, а «кухню» принятия политических решений скрыть почти невозможно. Особый интерес здесь представляют приводимые в «Истории» речи и диалоги, прежде всего критика того реализма и правового нигилизма, который выказывают афинские послы в Мелийском диалоге. Развитие массовых коммуникаций, и в первую очередь социальных сетей, в известной мере сближает современные государства с античными Афинами, делая политику более прозрачной и более зависимой от общественного мнения. Современный гражданин требует от политиков, чиновников и дипломатов постоянной обратной связи, что повышает роль риторики. Политики, все чаще прибегающие к популизму, обещают своим избирателям исполнение желаний, подобно тому как Алкивиад обещал афинянам славу и богатство в случае успеха в Сицилии³¹. Своеобразную «кульминацию» этот тренд получил с избранием на пост президента США Трампа, лично общающегося с гражданами через микроблог Twitter, что является серьезным отступлением от традиционного протокола.

³¹ Фукидид 6.8.

В этом контексте риторика, основанная на реалистских установках, будь то реализм афинских послов или наступательный реализм Миршаймера, представляет опасность для международного права и дипломатии. Серьезную угрозу несут в себе, в частности, декларации о возможности применения военной силы, такие как заявление Барака Обамы о пересечении режимом Башара Асада «красной линии» или провозглашение Трампом готовности нанести удар по КНДР. В одном ряду с ними стоит и критика президентом США эффективности международных организаций, в том числе ООН. Хотя новейшая история не знает военных действий, причиной которых было бы исключительно давление общественности или же неверно проведенные переговоры, громкое заявление всякий раз ставит политика перед выбором: выполнить обещание или быть обвиненным в нерешительности и слабости. Нарастающая прозрачность дипломатии требует повышенной ответственности от политиков и экспертов по международным отношениям, которые должны помнить об описанных Фукидидом уроках Пелопоннесской войны.

Библиография

Алексеева Т.А. (2015) «Перечитывая „классиков“: Фукидид и политический реализм» // *Сравнительная политика*, т. 6, № 3(20): 7–20. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Sravnitelnaya_politika/2015_3/311-639-1-SM.pdf (проверено 31.05.2018).

Фукидид. (1999) *История* / Пер. с греч. Ф.Г.Мищенко, С.А.Жебелева; под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Наука.

Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

- Barkin S. (2003) «Realist Constructivism» // *International Studies Review*, vol. 5, no. 3: 325—342.
- Behr H. (2010) *A History of International Political Theory: Ontologies of the International*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Connor W.R. (1987) *Thucydides*. Princeton: Princeton University Press.
- Crane G. (1998) *Thucydides and the Ancient Simplicity: The Limits of Political Realism*. Berkeley: University of California Press.
- Doyle M. (1990) «Thucydidean Realism» // *Review of International Studies*, vol. 16, no. 3: 223—237.
- Garst D. (1998) «Thucydides and Neorealism» // *International Studies Quarterly*, vol. 33, no. 1: 3—27.
- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Keene E. (2015) «The Reception of Thucydides in the History of International Relations» // Lee C. and N.Morley, eds. *A Handbook to the Reception of Thucydides*. Chichester: Wiley-Blackwell: 355—372.
- Keohane R.O. (1983) «Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond» // Finifter A., ed. *Political Science: The State of the Discipline*. Washington: American Political Science Association: 503—540.
- Keohane R.O. and J.S.Nye. (1977) *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown.
- Lebow R.N. (2001) «Thucydides the Constructivist» // *The American Political Science Review*, vol. 95, no. 3: 547—560.
- Lebow R.N. (2003) *The Tragic Vision of Politics Ethics, Interests and Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lebow R.N. (2008) *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London: W.W.Norton & Company.
- Waltz K. (1959) *Man, the State, and War*. New York: Columbia University Press.
- Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (MA): Addison-Wesley.
- Welch D.A. (2003) «Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides» // *Review of International Studies*, vol. 29, no. 3: 301—319. URL: <https://people.ucsc.edu/~rlipsch/migrated/Pol272/Welch.Thucydides.pdf> (accessed 31.05.2018).
- White J.B. (1984) *When Words Lose Their Meaning: Constitutions and Reconstitutions of Language, Character, and Community*. Chicago: University of Chicago Press.

S.A.Kucherenko
RECEPTION OF THUCYDIDES
IN POLITICAL REALISM:
SCIENCE AND RHETORIC

Sergey A. Kucherenko — Ph.D. Student at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics*. Email: sakucherenko@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the reception of Thucydides in Political Science. On the basis of the comparative analysis of structural and constructive realism — two traditions in the theory of international relations — the author shows that they both treat the Athenian historian to some extent as a “godfather” and appeal to him as an authority. According to the author’s conclusion, neither structural, nor constructive realists need references to the “History of the Peloponnesian War” in order to substantiate their ideas. The key difference between structural and constructive realists is the problems that they are trying to resolve through the appeal to the heritage of Thucydides. If structural realists use selected excerpts from the text of the “History of the Peloponnesian War” to confirm and legitimize their own propositions, constructivists insist on the holistic reading of the text. In their interpretation of the text they give pride of place to the norms, values and political rhetoric as independent elements of international relations. The author thinks that the latter approach is both more adequate to interpreting the text and more productive in terms of science. Paying close attention to such phenomena as culture, law and rhetoric allows them to create a more complex, non-reductionist theory of international relations that better fits the realities of the era of mediation of public policy and “new transparency”.

Keywords: Thucydides, realism, legal nihilism, international relations

References

- Alekseeva T. (2015) “Perechityvaja „klassikov“: Fukidid i politicheskij realism” [Re-reading “Classics”: Thucydides and Political Realism] // *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], vol. 6, no. 3 (20): 7–20. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Sravnitel'naya_politika/2015_3/311-639-1-SM.pdf (accessed 31.05.2018). (In Russ.)
- Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides’s Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Barkin S. (2003) “Realist Constructivism” // *International Studies Review*, vol. 5, no. 3: 325–342.
- Behr H. (2010) *A History of International Political Theory: Ontologies of the International*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

- Connor W.R. (1987) *Thucydides*. Princeton: Princeton University Press.
- Crane G. (1998) *Thucydides and the Ancient Simplicity: The Limits of Political Realism*. Berkeley: University of California Press.
- Doyle M. (1990) "Thucydidean Realism" // *Review of International Studies*, vol. 16, no. 3: 223—237.
- Garst D. (1998) "Thucydides and Neorealism" // *International Studies Quarterly*, vol. 33, no. 1: 3—27.
- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Keene E. (2015) "The Reception of Thucydides in the History of International Relations" // Lee C. and N.Morley, eds. *A Handbook to the Reception of Thucydides*. Chichester: Wiley-Blackwell: 355—372.
- Keohane R.O. (1983) "Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond" // Finifter A., ed. *Political Science: The State of the Discipline*. Washington: American Political Science Association: 503—540.
- Keohane R.O. and J.S.Nye. (1977) *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown.
- Lebow R.N. (2001) "Thucydides the Constructivist" // *The American Political Science Review*, vol. 95, no. 3: 547—560.
- Lebow R.N. (2003) *The Tragic Vision of Politics Ethics, Interests and Orders*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lebow R.N. (2008) *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London: W.W.Norton & Company.
- Thucydides. (1999) *Istoria* [History] / Transl. by F.G.Mishtchenko and S.A.Zhebelev, ed. by E.D.Frolov. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Waltz K. (1959) *Man, the State, and War*. New York: Columbia University Press.
- Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (MA): Addison-Wesley.
- Welch D.A. (2003) "Why International Relations Theorists Should Stop Reading Thucydides" // *Review of International Studies*, vol. 29, no. 3: 301—319. URL: <https://people.ucsc.edu/~rlipsch/migrated/Pol272/Welch.Thucydides.pdf> (accessed 31.05.2018).
- White J.B. (1984) *When Words Lose Their Meaning: Constitutions and Reconstitutions of Language, Character, and Community*. Chicago: University of Chicago Press.